

А.А.Вигасин
Ашока – царь Магадхи и правитель Вселенной

Многочисленные надписи Ашоки являются основным источником для изучения древнеиндийского государства Маурьев. Однако исследователю приходится учитывать, что он имеет дело с религиозными манифестами, составленными в искусной литературной форме¹. «Административная терминология» эдиктов о дхарме не может быть понята без учета общих представлений их автора об устройстве мироздания.

В Больших Наскальных эдиктах (БНЭ) неоднократно (II, III, V, XIII, XIV) употребляется термин *vijita*. Последний из эдиктов представляет собою некое послесловие ко всей серии. В нем говорится: «Эта надпись о дхарме... бывает (высечена) вкратце, бывает в средней форме, бывает пространная – ведь не все повсюду высекается. Огромна ведь *виджита...*». Отсюда мы можем сделать вывод, что те районы, где обнаружена «надпись о дхарме» (то есть БНЭ), безусловно, принадлежат «виджите». Известно, что границы маурийского государства индологи определяют именно по местам находок эдиктов. Таким образом, *vijita* - вся держава Ашоки.

Это значение слова подтверждает анализ и других надписей. Так во II БНЭ сказано: «Повсюду в виджете царя Пиядаси (то есть Ашоки – А.В.), владыки², а также у соседей (*evamari rassamtesu* - версия из Гирнара) как то Чолы, Пандьи, Сатияпутра, Кералапутра – вплоть до Тамрапарни, царь греков по имени Антияка и другие цари рядом с тем Антиякой...». Взглянув на карту Индии, мы обнаружим, что земли перечисленных выше «соседей» располагаются в непосредственной близости от тех мест, где были высечены на скалах эдикты маурийского царя. Владения Чолов и Кералапутров находятся чуть ниже южной группы БНЭ. Государство Антиоха

¹ См. например, Mette A. *Zum Stil der Aśoka-Inschriften* // *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*, 44, 1985.

(то есть Селевкидов) занимало территорию, примыкавшую к тем районам Афганистана, где найдены греческие и арамейские надписи Ашоки. Следовательно, мнение, высказанное в отечественной историографии³, будто «виджита» составляла лишь одну из частей державы, - ошибочно. За пределами виджиты находились вовсе не провинции, а соседние государства (rassaṃta) – такие «окраинные земли» (aṃta), на которые не распространялась власть маурийского царя. Буквальное значение слова vijīta – «завоеванное» или «побежденное» (от глагола vi-jī, ср. в XIII БНЭ: kaligya vijitā «жители Калинги завоеваны») – также не позволяет ограничивать vijīta «ядром государства», то есть той территорией, которая была не завоевана, а получена по наследству.

О vijaya («завоевании, победе») царя говорится не только в связи с vijīta. В этом отношении особенно показателен самый крупный из БНЭ – тринадцатый. Стоит отметить, что совокупность БНЭ представляет, по сути, единый текст. Неслучайно поэтому он и назван «надписью» в единственном числе (XIV БНЭ). В каждой из региональных серий (Калси, Гирнар, Еррагуди и т.д.) эдикты высечены единым комплексом и отделены друг от друга чертою – наподобие разделов. Деление это осуществляется порою несколько произвольно. Например, V БНЭ явно распадается на две части: первая повествует о «благих делах» (sukāṭa), а вторая – о «сановниках дхармы». Вводится эта вторая часть таким же зачином, как предшествующие и последующие эдикты (см. IV, VI и VIII БНЭ: atik-kātam aṃtaraṃ «в былые времена» и т.д.). В IX БНЭ первая часть повествует о «церемониях» (maṅgala), а вторая – о «дарениях» (dāna). Если бы писец разделил чертою надвое каждый из указанных эдиктов, это вряд ли удивило бы современных исследователей. Однако дальнейшего дробле

² О таком толковании термина devānapriya см. Вигасин А.А., Царь Пиядаси, Devānapriya (в печати).

³ Бонгард-Левин, Индия в эпоху Маурьев. М., 1973, с.358: «...эпиграфические материалы показывают, что она (виджита – А.В.) составляла лишь ядро государства».

ния текста не произошло, и можно предполагать, что число «разделов» в надписи о дхарме не является совершенно случайным.

Как уже было сказано, XIV БНЭ не имеет самостоятельного значения. Он выполняет такую же служебную функцию как «послесловия» в древнеиндийских шастрах (например, XV книга «Артхашастры», повествующая о тех методах изложения, которые были использованы составителем в предшествующих книгах). Содержание «надписи о дхарме» раскрывается, таким образом, в тринадцати частях. Не связано ли это обстоятельство с тем, что и высечена она была на тринадцатом году после помазания на царство (V БНЭ)? В поздневедийской литературе встречаются рассуждения о том, что число 13 (тринадцатый, дополнительный, месяц) воплощает в себе все 12 месяцев года и сам год, как целое⁴. Поскольку «надпись о дхарме» приурочена к окончанию двенадцатилетнего цикла правления царя⁵, стоит обратить внимание на замечание И. Хеестермана⁶, что число 13 «символизирует рождение Нового года и регенерацию Вселенной».

Как бы то ни было, в XIII БНЭ мы усматриваем кульминационный момент всей «надписи о дхарме». Именно здесь появляется понятие *saṅvatra vijāya* («вселенская победа»). В контексте этой «победы» упоминаются посольства, отправленные Ашокой на Юг, вплоть до Океана и острова Тамрапарни (Ланки), и на Запад – к царям греков до самого края обитаемой Земли⁷. Эти «дипломатические контакты» представляли собою не что иное, как «завоевание сторон света» (*digvijāya*) – символическое овладение Вселенной. Любопытно отметить, что сам термин *vijita* встре

⁴ Heesterman J. The Ancient Indian Royal Consecration, ‘-Gravenhage, 1957, p.33 f.; cp. Gonda J. Prajapati and the Year, Amsterdam, 1984, p.23.

⁵ см. Вигасин А.А. Время в эдиктах Ашоки // Антропология культуры. Вып.1. М.,2002.

⁶ Ук.соч. с.33-34.

⁷ См. Вигасин А.А. Великое посольство на Запад // «У времени в плену», М., 2000, статья вошла также в сб. Г.М.Бонгард-Левин, М.Д.Бухарин, А.А.Вигасин, Индия и античный мир, М., 2002.

чается лишь в Больших Наскальных Эдиктах – то есть именно в тех текстах, которые были высечены на скалах по границам огромной державы⁸.

Победа царя одержана повсюду, куда дошли его посланцы (*dūta* – XIII БНЭ). И даже там, куда им не удалось добраться, но донеслась слава о соблюдении им дхармы (*dhammavuttam*), о правиле (*vidhanam*) и наставлении в дхарме (*dhammānusatthi*) – тем самым также одержана победа. Царь ставит своей целью благодеяния⁹ всему человечеству (*savvalokahite* – VI БНЭ) – далеко за пределами собственной державы (*vijīta*). Более того, он оказывает милость всем двуногим и четвероногим (*pasumunissānam* – II БНЭ, VII колонный эдикт), тем живым существам, которые плавают в воде или летают в небе (*dupadacatuppadesu rakkhivālicaesu* – II колонный эдикт). Ашока не просто глава государства, он – царь природы¹⁰. Такие политические меры как амнистия или облегчение участи заключенных фигурируют в контексте вегетарианских обычаев, запретов на клеймение быков или кастрацию петухов (V колонный эдикт, ср. II, IV и VII колонные эдикты). Можно сказать, что любая живность включается в число царских подданных. Неслучайно одно и то же слово *grāṇa* («живая душа») встречается и для обозначения тех жителей империи, которыми управляли царские слуги, и для птиц и зверей, которых забивали на царской кухне. Можно сравнить фразеологию I БНЭ: «многие сотни тысяч *grāṇa* были умерщвляемы для трапезы» и IV колонного эдикта: «мои наместники ведают многими сотнями тысяч *grāṇa*», то же VII колонный эдикт, ср. XIII БНЭ: «сто пятьдесят тысяч *grāṇa* (здесь имеются в виду жители Калинги – А.В.) оттуда уведены».

⁸ В калингской версии XIV БНЭ (Дхаули и Джаугада) слово *vijaya* выступает как синоним *vijīta* (*mahaṃte hi vijāye* – «велика ведь держава»). Не следует ли и в XIII БНЭ *sayakasi yeva vijāyasi* (Гирнар) понимать как «в собственной державе», а не в «собственном завоевании», как обычно переводят? (см. J.Bloch, *Les inscriptions d'Asoka*, P., 1950, p.132: “dans leur propre victoire”; U.Schneider, *Die grossen Felsen-Edikte Asokas*, Wiesbaden, 1978, S.119 “in ihrer eigenen Eroberung”, K.R.Norman, *Asoka's Thirteenth Rock Edict // Indologica Taurinensia*, v.XXIII-XXIV, Torino, 1999, p.479: “in (the event of) their own victory”).

⁹ См. Вигасин А.А. К интерпретации эдиктов Ашоки: правление и праведность // Эпиграфика Востока XXV, М., 1998.

¹⁰ См. Вигасин А.А. «Охрана природы» в Древней Индии // Вестник древней истории, 1995, № 2.

В связи с тем, что царь изображается как Вселенский правитель, представление о действительных пределах его государства нередко оказывается размытым. Будучи благодетелем подданных, он приказывает вырыть многочисленные колодцы и посадить тенистые деревья вдоль дорог (VII колонный эдикт) – вполне традиционный и яркий образ благодеяний в условиях жаркого климата Индии! Но, судя по надписям, подобная эвергетическая деятельность распространялась далеко за пределами державы (*vijita*). Нужна большая наивность для того, чтобы буквально понять слова II БНЭ о том, что индийский царь соорудил водоемы где-нибудь в Северной Африке («в царстве Мака», то есть Магаса). Да и была ли, на самом деле, потребность в том, чтобы сажать тенистые деревья вдоль дорог в гористой Македонии у «царя греков Антекини», то есть Антигона?

Вследствие такого отношения к роли царя проявляется отождествление *savvatta vijitassi* (как во II БНЭ: «повсюду в державе») и просто *savvatta* («повсюду», ср. *savvatta vijaye* в XIII БНЭ). И там, где в большинстве версий V БНЭ стоит *savvatta vijitassi* («по всей державе») писец калингской версии из Дхаули – в полном соответствии с духом эдиктов! – ставит *savvaruḥaviyam* («по всей Земле», то есть во Вселенной).

В VI БНЭ появляется образ царя, которому в любое время (*savvaṃ kālaṃ*) и в любом месте «докладчики» (*paṭivedaka*) сообщают обо всем, что происходит в его державе – какое бы срочное дело (*atiyāyike*) ни возникло, к примеру, у членов совета (*parisā*). В основе этого образа лежит идея, хорошо известная индийской традиции: царь должен быть всеведущим. Он обо всем узнает с помощью своих осведомителей (*cāra*). В «Рамаяне» (III.33.10) об этом сказано так: «Поскольку цари, даже находясь далеко (*dūrasthāḥ*), видят все дела (*sarvān arthān*, ср у Ашоки: *janassa aṭṭhaṃ paṭivedayaṃtu me* «пусть сообщают мне о делах людей») посредством осведомителей (*cāra*), их так и называют – «те, чье зрение – осведомители (*cārasakṣus*)». В санскритской литературе говорится об этом часто

(см. Ману IX.256, Чанакьясутры 472, Вишалакша I.328: «видящий далеко – победитель (vijigīṣu)», Матсья-пурана 215.90 и др.). Особенно показателен фрагмент «Шукра-нитисары» (1.335-336), текста позднего, но передающего старинную традицию: «Относительно членов совета (sabhya) ... и в деле срочном (atyauike) пусть всегда, даже ночью, выслушивает осведомителей». В «Нитисаре» Камандаки (13.29-30) говорится, что царь, даже когда спит, на самом деле бодрствует, ибо его люди действуют повсюду. Царь подобен богу ветра, так как он мгновенно облетает весь мир (jagat kṛtsnaṃ vyāpnuyat).

Мир, известный Ашоке, - это, главным образом «Материк дерева Джамбу» (Jambudvīra, в туземной космографии соответствует Индии). Из буддийской литературы¹¹ мы знаем, что в центре Джамбудвипы находится мифическая гора Меру, на которой и растет мировое дерево Джамбу. Гималаи и Океан служат границами материка. Люди, его населяющие, составляют основной объект благодеяний Ашоки – именно их он стремится сделать «смешавшимися с богами» (МНЭ – missā devehi). Правитель Джамбудвипы, по представлениям индийцев – царь-миродержец (чакравартин), «поворачивающий Колесо» времени.

Однако космология царской власти не должна помешать нам заметить реальные черты маурийского государства. Во II Калингском эдикте упомянуты «непокоренные окраины» (amṭā avijitā) внутри самой «державы» (vijita). Царь обращается к жителям этой «внутренней периферии» с увещаниями, убеждая их в том, что у него вовсе нет агрессивных намерений. То же самое мы видим в XIII БНЭ. В этом эдикте, с одной стороны, речь идет о вселенской победе, одержанной царем на всех окраинах (amṭa) – вплоть до Ланки на юге и до Кирены и Македонии на западе. С другой же стороны, упоминаются некие «лесные племена» внутри самой его державы (yā sa pi aṭaviyo devānaṃpiyassa vijite hoti) – и эти племена при

ходится лишь призывать к покорности. Царь-миродержец, на самом деле, не контролировал полностью территорию собственной страны.

Держава Ашоки состояла из отдельных «земель» (*janapada* - VIII и XIII БНЭ) – тех самых, которые в предшествующий период упоминаются в качестве самостоятельных государств. Каждая из джанапад обозначалась по господствующему народу (*jana*, Плиний вслед за эллинистическими писателями называет их племенами - *gentes*). Центром державы являлся город Паталипутра, и, вполне возможно, в тех случаях, когда в надписях встречается слово «здесь» (*hida, idha*) часто имеется в виду столица. В Гирнарской версии V БНЭ вместо *hida* и стоит *Pāṭaliputte*. Царь говорит о том, что им сделано «в Паталипутре и во внешних городах» (*bāhiresu nagaresu*). Последнее выражение привлекает наше внимание, ибо встает вопрос о том, «вне» чего, собственно, находятся упомянутые города. «Вне державы» - совершенно невозможно, «вне Паталипутры» - не имеет смысла. Автор не говорит «в других городах», видимо, по той причине, что пространство державы не кажется ему единым. Город ассоциируется с определенной областью (джанападой), на которой осуществляется власть. И когда речь идет о «Паталипутре», очевидно, имеется в виду не только пространство, ограниченное городскими стенами. Вероятно, «внешние города» располагались за пределами той территории, на которой царь Паталипутры непосредственно осуществлял власть¹² – народа «палиботров», как выражается Плиний (VI.22).

В этой связи стоит обратиться к тому фрагменту XIII БНЭ, где упоминается *gājavīsaṃ* (букв. «царская земля»). Фраза выглядит следующим образом: «здесь, в царской земле, у греков и камбоджей, у набхаков и набхапанти, у бходжей и питиников, у андхров и париндов – повсюду следуют указу владыки о дхарме». Переводчики эдиктов обычно отождеств

¹¹ См. Malalasekera G.P. Dictionary of Pali Proper Names, Delhi, 1995, v.1, p.941.

ляют понятия «царская земля» и держава¹³. Однако в таком случае перечень народов оказывается излишним – достаточно было бы сказать «повсюду в виджете» (как и говорилось в других БНЭ, например, II: *savvatta vijitassi*). Если рассматривать этот перечень народов как раскрытие понятия «царская земля», то окажется, что основные территории государства вовсе не указаны. Очевидно, *gājavīsaṃ* представляет собою лишь ядро обширной державы¹⁴, а именно наследственные царские владения¹⁵.

В надписи из Бхабры, обращаясь к общине буддийских монахов, Ашока именуется себя «маурийским царем» (*lājā māgadhe*) – наподобие того, как именовались правители индийских государств до образования маурийской империи. Он – царь Магадхи как одной из джанапад. Все то, что находилось за пределами коренных магадхских земель, должно было рассматриваться владыкою Паталипутры в качестве «внешних» владений и «внешних» (*bāhira*) городов внутри его державы (*vijita*).

Приведенный выше список джанапад, содержащийся в XIII БНЭ, включает народности Северо-запада (йона-камбоджа – территория современного Афганистана, где найдены греческие и арамейские надписи), крайнего Запада (набхака-набхапанти и бходжа-питиника – области Махараштры и Гуджарата) и Юго-востока (андхра-паринда – теперешний штат Андхра-прадеш и южная Орисса). Эти три региона – окраины той державы, центр которой составляет *gājavīsaṃ*. Последняя, таким образом, соответствует почти исключительно долине Ганга. Границы «царской

¹² Ср. Лелюхин Д.Н. Структура державы Маурьев по свидетельствам эдиктов Ашоки // Вестник древней истории, 1998 № 2, с.119-120.

¹³ Bloch J. Ук.соч. с.130: “ici, dans l’empire”; Thapar R. *Asoka and the Decline of the Mauryas*, Delhi, 1983 (1963), p.256: “here, in the imperial territories”.

¹⁴ Подобная интерпретация термина уже встречалась в историографии, см. В.М.Варуа, *Inscriptions of Asoka. Translation and Glossary*, Calcutta, 1943, p.161.

¹⁵ То, что в «Артхашастре» (VII.16.22 и др.) носит название *mūla* («коренные земли»). См. Вигасин А.А., *Государство*// А.А.Вигасин, А.М.Самозванцев, «Артхашастра»: проблемы социальной структуры и права, М., 1984, с. 152. В позднейшей эпиграфике термин *viṣaya* встречается часто, обычно в значении «a district» (см. D.C.Sircar, *Indian Epigraphical Glossary*, Delhi, 1966, p.377-378).

земли» полностью совпадают со страной палиботров, обрисованной по эллинистическим источникам Плинием Старшим¹⁶.

В индийской литературе «палиботрам» соответствует слово *grāsu* (букв. «восточные» народы). Оно отразилось и в античных свидетельствах о прасиях (в указанном фрагменте Плиния практически не различаемых с «палиботрами»). Согласно спутникам Александра Македонского, прасии занимали весь бассейн Ганга, - их царство, таким образом, было тождественно с Магадхой эпохи династии Нандов.

В V БНЭ содержится список джананапад, сходный с тем, что приведен ранее по XIII БНЭ. Однако в данном случае в него включены лишь народности Северо-западной (*yona-kaṃboja-gaṃdhāra*) и Западной (*raṭhika-ṛitīnika* «и другие *araganta*») Индии. Можно полагать, что именно данные области жителям Паталипутры (как «восточным» - *grāsu*) представлялись далекими окраинами по преимуществу. В разбираемом фрагменте V БНЭ речь идет о заботе, которую царь распространяет на всевозможных *anātha* («сырых») и *vuḍḍha* («престарелых»), а, с другой стороны, на целые народы – здесь-то и появляются греки, гандхарцы, а также «жители западных окраин» (*araganta*). Вероятно, эти жители далеких окраин выступают в качестве географических «маргиналов» - подобно тому, как «сырые и престарелые» являются маргиналами социальными¹⁷.

¹⁶ См. Вигасин А.А. , Карта Индии в «Естественной истории» Плиния Старшего // Вестник древней истории, 1999, № 1, перевод источника см. в книге «История Древнего Востока. Тексты и документы. М., 2002. То и другое вошло в кн. Г.М.Бонгард-Левин, М.Д.Бухарин, А.А.Вигасин, «Индия и античный мир», М., 2002.

¹⁷ Ср. параллельный текст из VII колонного эдикта – о милосердии, проявляемом к «бедным и убогим вплоть до рабов и слуг» (*karavalākesu āva dāsabhaṭakesu*). Темным в V БНЭ остается выражение *bhaṭamayesu bāmbhanibbhesu*, которое современные исследователи часто оставляют без перевода. *Ibbha*, очевидно, соответствует санскитскому *ibhya*, обычно толкуемому как «домохозяин». Чтение *bhaṭamayesu*, содержащееся в версии из Дхаули, заставляет предполагать, что в начале слова стоит существительное *bhṛti/bhṛta*, означающее наемную плату или содержание. Мы предполагаем, что речь идет не просто о брахманах, но таких, которые вынуждены идти в услужение за плату (хотя конец слова остается непонятным, в качестве суффикса *mayesu* придает значение «состоящий из»). Если наше предположение справедливо, можно было бы сослаться на те фрагменты дхармашастр, в которых царю предписывается особая забота о брахманах и других домохозяевах из высших варн, которые попали в кабалу. См. Ману VIII.411-412: брахман может держать в услужении (*karṃāṇi kārayet*) лиц из других варн, если те обнищали – при этом он должен обеспечить их содержание (*bibhṛyāt*, то есть давать им *bhṛti*, ср. Гаутама X.60: *bhartavyas*). Но дваждырожденных – особенно брахманов – никто не вправе поработать под страхом сурового наказания (см., например, цитаты из Бри-

Воспроизводя в камне послания, полученные от Ашоки или от региональных властей, провинциальные писцы порою копировали и сопроводительные документы, своего рода «конверты» с обращением и приветствием адресату. Так, например, из областного центра, из г. Суварнагири письмо (с текстом Малого Наскального Эдикта) было направлено в мелкий городок Исилу. При этом «махаматры Суварнагири», приветствуя «махаматров Исилы», желают им здравствовать (*ārogiyaṃ vaṭṭaviyā*). Калингские эдикты нам известны в двух сериях, в одной адресатом являются махаматры областного центра Тосали (Дхаули), в другом – мелкого городка Самапы (Джаугада). Но там и здесь послания направлены махаматрам. Из этого следует, что само слово «махаматра» не является обозначением определенного и высокого статуса (вельможи, сановники и т.д.). Махаматры – просто городские власти, и оно может применяться к руководителям города независимо от размера и значимости последнего.

Обращает на себя внимание то, что во всех посланиях речь идет о махаматрах во множественном числе. Объяснение данному факту мы находим в III БНЭ. Система управления городами обрисована здесь совершенно отчетливо. Раз в пять лет царь отправлял своего легата в объезд по территориям. Последний, приезжая в каждый город, знакомил с царскими эдиктами местный «совет» (*parisā*, санскритское *pariṣad*)¹⁸. Так как в III БНЭ адресатом послания является городской совет, а по другим эдиктам мы видим, что письма направлялись городским властям-махаматрам, то не остается сомнений в тождестве этих понятий. Паришады состояли из махаматров. Управление городами Маурийской державы, очевидно, находилось в руках «советов» (примерно так же, как это бывало в эллинистическом мире - греч. «буле»).

хаспати и Катьяны в «Вивадаратнакара», Calcutta, 1931, с.152). Одно нам кажется очевидным: по контексту речь идет о милосердии к обездоленным, а вовсе не о должной почтительности к брахманам.

¹⁸ См. Вигасин А.А. К интерпретации надписей Ашоки: *pariṣad* // Вестник древней истории, 1998 № 1.

Происхождение органов местного самоуправления было связано с политическими институтами более раннего времени (ср. упоминания «племенных» паришадов, - например, панчалов - в поздневедийской литературе: «Брихадараньяка-упанишада» VI.2.1, «Чхандогья-упанишада» V.3.1). Вполне естественно, что в состав этих советов входили не назначенные из центра чиновники, а представители региональной политической элиты.

Политическая идеология требовала именовать всех носителей власти – независимо от их ранга - царскими «слугами» (как это делает Ашока в I колонном эдикте). Однако вполне понятно, что положение большинства городских махаматров определялось отнюдь не царской милостью, а их происхождением и социальной поддержкой на местах. Они составляли тот самый слой «знати», о котором говорит сам автор эдиктов (понятие *udāra* «родовитые», «благородные» в Малом Наскальном Эдикте противопоставляется *kṣudra* - «людишкам»). Царь может заявлять (IV колонный эдикт), будто именно он даровал местным властям – вполне доверяя им – право на полную самостоятельность (*attapatiye*) вершить по собственному усмотрению «суд и расправу» (*abhihāle vā daṇḍe vā*). Но понятно, что реальное происхождение власти было совершенно иным. Декларации центра о даровании провинциям автономии призваны не столько закрепить права последних, сколько, напротив, заявить о собственных притязаниях.

Если посланцы Ашоки с его «указами» появлялись на местах лишь эпизодически, с интервалами в несколько лет, ясно, что они не могли осуществлять повседневный контроль за деятельностью местной знати. Вселенская держава на поверку оказывается сложным конгломератом племенных княжеств, а имперская власть имела весьма ограниченные возможности для вмешательства в дела общинных органов самоуправления.